

УДК 343.1

В. А. ГУСЕВ**Участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий***Ad impossibilia nemo obligatur,
Ad turpia nemo obligatur!*¹

Статья посвящена крайне дискуссионному вопросу конфиденциального привлечения адвокатов к проведению негласных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и документирование преступной деятельности отдельных граждан. В соответствии с позицией автора, участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятии при соблюдении определенных условий не противоречит действующему законодательству и согласуется с этическими нормами адвокатского сообщества.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; адвокатская деятельность; конфиденциальное содействие; законность; этика.

«Негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, запрещается», — гласит п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — ФЗ об адвокатуре)². На первый взгляд, законодатель четко и недвусмысленно определил абсолютный запрет на какое-либо негласное взаимодействие адвоката и должностных лиц оперативных подразделений. Однако юридическая практика свидетельствует об обратном: адвокаты принимают участие в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, невзирая на негативные для себя последствия. Полемика о правомерности и этичности таких действий адвокатов длится не один год и завершения ее в ближайшем будущем не предвидится. Вместе с тем решение этой проблемы, на наш взгляд, имеет крайне важное теоретическое и практическое значение, так как позволяет приблизиться к достижению идеального сочетания обеспечения законности и соблюдения интересов правосудия.

Прежде всего предлагаем определиться с предметом дискуссии. Основной вопрос, по поводу которого высказываются кардинально противоположные точки зрения, заключается в следующем: допускается ли оказание адвокатом помощи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий. Перед адвокатом данный вопрос может возникнуть при различных обстоятельствах. В связи с этим полагаем целесообразным исследовать его как в юридическом, так и морально-этическом аспекте, последовательно, с учетом наиболее часто встречающихся ситуаций.

Первая ситуация. Адвокату поступило предложение от должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, оказать

негласное содействие в установлении причастности его доверителя к преступной деятельности.

Безусловно, оперативные сотрудники могут, используя различные оперативно-тактические условия или имеющиеся в их распоряжении материалы, компрометирующие адвоката, сделать ему такое предложение. В свою очередь адвокат должен ответить категорическим отказом. Более того, как считают отдельные представители адвокатского сообщества, «поскольку попытки должностных лиц привлечь адвоката для участия в оперативно-розыскных мероприятиях, как правило, противозаконны и нарушают профессиональные права адвокатов, то последним необходимо о каждом таком факте информировать адвокатскую палату»³. Об этом обстоятельстве должны помнить и оперативные сотрудники, так как в случае неудачной вербовки адвоката данная попытка станет известна общественности.

Если же под воздействием каких-либо обстоятельств адвокат соглашается негласно содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, вопреки интересам своего доверителя, то он должен осознавать, что грубо нарушает требование п. 5 ст. 6 ФЗ об адвокатуре, а также целый ряд других юридических и этических норм адвокатской деятельности. Следовательно, в случае огласки данного нелегитимного факта он непременно будет подвергнут осуждению коллегами по адвокатскому цеху и однозначно лишен статуса адвоката.

Вторая ситуация. Участие адвоката (защитника) в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий или оказание иного конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обусловлено интересами его доверителя (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого).

¹ К невозможному никого не обязывают, к постыдному никого не обязывают (лат.).

² Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

³ Пункт 3.8. Рекомендаций адвокатам в случае задействования их в оперативно-розыскной деятельности. URL: //https://docs.google.com/document/d/1T-7yP6-EIxDswuoeHqyayQOVluuH7E5lzJrV0niBA/edit (дата обращения: 22.04.2020).

Возьмем за точку отсчета стандартную тактическую ситуацию, в которую, как правило, попадает адвокат: оперативный сотрудник, следователь или прокурор вымогает у него взятку, предлагая взамен так или иначе смягчить участь и положение доверителя. Оставляя за скобками вариант соучастия в преступлении (дача взятки), полагаем, перед адвокатом возникает дилемма: или гордо отказаться от такой сделки, или согласиться и сообщить о данном факте в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Рассмотрим реализацию второго варианта развития событий, основываясь на примерах из правоприменительной и судебной практики, и проанализируем его правовые последствия.

В 2012 г. в г. Урюпинске Волгоградской области адвокат А., судя по имеющимся в юридической прессе материалам [1, с. 59], принял участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», в результате которого была произведена аудиозапись разговора с прокурором П., который вымогал взятку, и был зафиксирован факт передачи ему меченых купюр. Впоследствии защитник прокурора П. обратился в Адвокатскую палату Волгоградской области с жалобой на адвоката А. В результате квалификационная комиссия, а за ней и совет адвокатской палаты пришли к выводу, что в действиях адвоката А. имеются нарушения п. 5 ст. 6 ФЗ об адвокатуре и п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката⁴. На основании этого адвокат А. был лишен профессионального статуса.

Однако суд не согласился с решением адвокатской палаты и отменил его как незаконное. Судья, основываясь на положениях ст. 6 и ст. 18 Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД)⁵, выделил две категории лиц: 1) сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; 2) оказывающих помощь этим органам в раскрытии преступлений. Отличие между этими лицами суд увидел в наличии контракта (т. е. возмездное сотрудничество) у первых и отсутствии такового у вторых. Адвокат А. был отнесен к категории лиц, оказывающих помощь в раскрытии преступления. Кроме того, суд обратил внимание, что согласно ч. 3 ст. 17 ФЗ об ОРД запрещается использовать конфиденциальное содействие адвокатов по контракту, а следовательно, «бесконтрактное» сотрудничество не запрещено.

В свою очередь руководство Адвокатской палаты Волгоградской области продемонстрировало недовольство принятым судебным решением широкому кругу юридической общественности на страницах своего корпоративного издания под броским и некорректным названием [2]. Мы солидарны с Р. Г. Мельниченко, который отметил, что таким поступком «совет Адвокатской палаты Волгоградской области как бы дает сигнал некоторым недобросовестным представителям правоохранительной системы: „Если вы начнете требовать через адвоката с его клиента взятку, это вполне безопасно. Мы накажем адвоката, который сообщит куда следует о вашей инициативе“» [1, с. 80].

Вне всякого сомнения, приведенный в качестве примера юридический казус наглядно демонстрирует конфликт двух основополагающих начал в адвокатской деятельности: приоритета для адвоката интересов клиента и принципа корпоративности. Безусловно, любое тайное сотрудничество с государственными органами не только негативно отражается на имидже самого адвоката, но и бросает тень на все адвокатское сообщество, адвокатуру (корпорацию) в целом, как на институт гражданского общества, не зависящий от государства. Но в приведенном примере, как справедливо отмечают представители самого адвокатского сообщества, совет Адвокатской палаты Волгоградской области «поставил имидж адвокатуры выше интересов конкретного доверителя адвоката. Думается, что совет выбрал не тот приоритет. Адвокатская корпорация создана не ради самой себя, а для организации в России квалифицированной юридической помощи конкретным людям в конкретной ситуации. Если корпорация ставит свой имидж выше того, для чего она создана, то грош цена такой корпорации(!)» [1, с. 60]⁶.

Примечательно, что позднее, в 2016 г., Комиссия по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в своем разъяснении по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов отметила, что «исходит из того, что в таких ситуациях в противоречие вступают две важные ценности: с одной стороны — безусловная польза действий адвоката для доверителя, с другой — доверие общества к институту адвокатуры и профессии адвоката, основанное на принципах независимости и адвокатской тайны и подрываемое участием адвоката в тайном сыске»⁷. Поэтому наиболее разумным и социально полезным для разрешения подоб-

⁴ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 20.04.2017 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2.

⁵ «Должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи... используя помощь... отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе» (ч. 5 ст. 6 ФЗ об ОРД). «Лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшие им помощь в раскрытии преступлений...» (ч. 5 ст. 18 ФЗ об ОРД).

⁶ Хотелось бы подчеркнуть, что указанная статья уважаемого Р. Г. Мельниченко, несмотря на небольшой объем, является качественным, аргументированным и логично структурированным научным трудом, содержащим весьма интересные идеи и обоснованные выводы. Именно поэтому мы не удержались от большого количества цитирований, так как они в полной мере соответствуют предмету нашего исследования.

⁷ Разъяснение Комиссии по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 1. 2016.

ных противоречий является, по мнению Комиссии, поиск баланса, который не приносит один значимый интерес в жертву другому, а достигается такого рода баланс исходя из общеправового принципа крайней необходимости.

Руководствуясь этим принципом, Комиссия обязывает адвоката, столкнувшись с угрозой причинения вреда своему доверителю, выполнить следующий алгоритм действий:

- убедиться в том, что такая угроза реальна;
- обсудить с доверителем меры ее ликвидации, помимо обращения в правоохранительные органы, в частности, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;
- поставить доверителя в известность о запретах для адвоката сотрудничества с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, установленных ФЗ об адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвокатов;
- если без оперативно-розыскной деятельности эффективно противостоять преступным действиям нельзя, постараться обеспечить участие в оперативно-розыскных мероприятиях других лиц, в частности, самого доверителя;
- только если без участия самого адвоката в оперативно-розыскной деятельности защитить интересы доверителя не представляется возможным, разово содействовать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на бесконтактной основе⁸.

Окончательную точку в этом споре поставил Конституционный Суд РФ при рассмотрении жалобы гражданина В. А. Белоуса на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 17 ФЗ об ОРД, В. А. Белоус был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, а в доказывании его вины использовались результаты оперативного эксперимента, проведенного с участием адвоката, которому Белоус сам предложил выполнить роль посредника в получении взятки.

Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению данной жалобы, указав при этом, что «оспариваемая норма ограничивает использование содействия лиц, имеющих статус адвоката, органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключая возможность заключения с ними контракта, но не запрещает использование их содействия для подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий на бесконтактной основе. При этом, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, оперативно-розыскные мероприятия проводятся уполномоченными органами и их

должностными лицами на основаниях и в порядке, установленных законом; само по себе содействие частных лиц в проведении таких мероприятий не может рассматриваться в качестве ограничения конституционных прав (определения от 27 мая 2010 г. № 681-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1187-О, от 22 декабря 2015 года № 2875-О, от 18 июля 2017 г. № 1537-О и др.)»⁹.

Следует отметить, что адвокатское сообщество отреагировало на это решение неоднозначно. Так, Н. Гаспарян, советник Федеральной палаты адвокатов РФ, в своей публикации заявил: «Ящик Пандоры оказался открыт, и представители обвинения получили удобную аргументацию для проведения оперативных мероприятий с участием адвокатов, поскольку формально можно использовать «специфические адвокатские услуги» и не заключая никаких контрактов (да и как доказать его заключение, если должностное лицо и адвокат это отрицают) и превратить исключение из правила в правило»¹⁰.

Тем не менее факт остается фактом: участие адвоката в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий или оказание иного конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в интересах доверителя (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) и законно, и, при соблюдении определенных условий, не противоречит нормам профессиональной этики.

Третья ситуация. Участие адвоката (представителя) в проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий или оказание иного конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обусловлено интересами его доверителя (потерпевшего).

В целом указанная ситуация совпадает с предыдущей, за тем лишь исключением, что адвокат представляет интересы потерпевшего в уголовном процессе и его участие в оперативно-розыскной деятельности может быть сопряжено в том числе с интересами стороны обвинения. Полагаем, что в данном случае также действует вышеуказанный алгоритм, предложенный Комиссией по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Вместе с тем Комиссия отмечает, что «обоснование участия в оперативно-розыскной деятельности общегражданским долгом, стремлением помочь государству в борьбе с преступностью для адвоката недопустимо, поскольку институт адвокатуры такой цели не преследует, а создан исключительно для оказания профессиональной юридической помощи».

Кроме того, как во второй, так и в третьей ситуации, адвокат в своей деятельности должен основываться на положениях ч. 1 ст. 10 Кодекса профессиональ-

⁸ Там же.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоуса Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 17 Закона об оперативно-розыскной деятельности : определение Конституционного Суда РФ № 1397-О от 29 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Гаспарян Н. Об участии адвоката в ОРМ. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018/> (дата обращения: 21.04.2020).

ной этики адвоката, в которой отмечается, что «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом».

Данный запрет, по мнению отдельных представителей адвокатуры, полностью распространяется и на случаи, когда адвокат, действуя по просьбе и в интересах своего доверителя, производит аудио- или видеозапись другого адвоката, а также совершает иные действия в обвинительных целях для передачи должностным лицам правоохранительных органов¹¹. Соглашаясь в общих чертах с такой позицией, все же полагаем, что данный тезис нуждается в уточнении. Безусловно, взаимное противодействие адвокатов с использованием негласных средств аудио- или видеозаписи очевидно противоречит правилам корпоративной этики. Однако если в этой системе отношений один из адвокатов изначально допускает нарушение закона (подготавливает или совершает преступление), то проведение в отношении него негласных оперативно-розыскных мероприятий с участием другого адвоката, на наш взгляд, не только соответствует действующему законодательству, но и в полной мере согласуется с нормами профессиональной этики адвокатуры.

Наша позиция основывается прежде всего на п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ об адвокатуре, в соответствии с которым адвокат обязан отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Если же адвокат использует в своей деятельности противозаконные средства, то, помимо этого, он действует и вопреки требованиям Кодекса профессиональной этики адвокатов, который в своей преамбуле отмечает, что «существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без... заботы адвокатов о своей чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры». Отсюда следует, что адвокат, подготавливающий или совершающий преступление, не только наносит ущерб своей чести и достоинству в глазах граждан, которым так или иначе стало известно об этом, но и становится токсичным для всего адвокатского сообщества¹². Именно поэтому законопослушный адвокат просто обязан соблюсти требования ФЗ об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвокатов и, используя все не запрещенные законодатель-

ством средства, принять меры по выявлению ренегата и привлечению его к ответственности.

Четвертая ситуация. Противоправные действия самого адвоката были задокументированы органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и ему поступило предложение от оперативных сотрудников принять участие в негласных оперативно-розыскных мероприятиях в отношении иных лиц, причастных к преступной деятельности.

Так, адвокат может быть задержан при проведении оперативно-розыскных мероприятий в момент передачи ему незаконного денежного вознаграждения, после чего ему самому может быть предложено принять участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» в отношении должностного лица, которому предназначалась взятка. С юридической точки зрения, в данном случае адвокат вправе согласиться на участие в негласных оперативно-розыскных мероприятиях, рассчитывая в будущем на такое обстоятельство, смягчающее наказание, как активное содействие раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также на возможность воспользоваться примечанием к ст. 291¹ УК РФ о том, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления.

В то же время, с точки зрения профессиональной этики, участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях в отношении иных лиц неизбежно подорвет доверие к адвокату в юридическом сообществе и повлечет для него и адвокатуры в целом репутационные потери¹³. Желая избежать привлечения к уголовной ответственности и действуя в своих сугубо личных процессуальных интересах, адвокат обрекает другое лицо на длительный судебный процесс, ограничение свободы, материальные издержки и моральный ущерб. Трудно не согласиться с мнением эксперта, высказанном на страницах адвокатского интернет-издания: «Когда задержанный с предназначенными для дачи взятки деньгами адвокат дает согласие и потом участвует в оперативном эксперименте по передаче денег другому адвокату, следователю, прокурору, судье либо иному должностному лицу, он руководствуется соображениями личной конъюнктурной выгоды, не имеющими ничего общего с профессиональными и этическими интересами»¹⁴.

¹¹ Пункт 3.7 Рекомендаций адвокатам в случае задействования их в оперативно-розыскной деятельности. URL: <https://docs.google.com/document/d/1T-7yP6-EIIXDSwuoEhqqyaiQ0VluuH7E5lzJrV0niBA/edit> (дата обращения: 22.04.2020).

¹² В данном случае, на наш взгляд, приемлема аналогия: если общественности становится известно о коррупционном преступлении следователя, то негативное общественное мнение, как правило, не ограничивается конкретной личностью преступника, а распространяется в целом на следственные подразделения.

¹³ Пункт 2.4 Рекомендаций адвокатам в случае задействования их в оперативно-розыскной деятельности. URL: <https://docs.google.com/document/d/1T-7yP6-EIIXDSwuoEhqqyaiQ0VluuH7E5lzJrV0niBA/edit> (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁴ Далее автор подчеркивает, что «участие адвоката в оперативных мероприятиях рано или поздно становится достоянием юридической общественности региона и его потенциальных клиентов. Окружающие начинают понимать, что адвокат, однажды «подставивший» другого, способен в будущем ради своих личных интересов «подставить» любого. Ему перестают доверять коллеги и доверители, а репутация такого адвоката оказывается непоправимо подорванной. Даже спустя десятилетия о нем будут вспоминать, приводя данный пример как негативный». (Гаспарян Н. Об участии адвоката в ОПМ. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018> (дата обращения: 21.04.2020)).

Следует напомнить, что в соответствии с пунктом 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в ходе исполнения адвокатской деятельности» (выделено нами. — В. Г.) несовместимо со статусом адвоката. Казалось бы, очевидно, что в данной ситуации адвокат не осуществляет адвокатскую деятельность, поэтому данная этическая норма на него не распространяется. Однако Комиссия по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в своем разъяснении по вопросам применения пункта 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов подчеркнула, «что участие в ОРД для адвоката может быть мотивировано при оказании юридической помощи только защитой интересов доверителя, а за ее пределами — противостоянием угроз совершения преступных действий в отношении самого адвоката и его близких родственников»¹⁵. Таким образом, Комиссия усугубила положение адвоката, фактически признавая недопустимым (или неэтичным) его участие в оперативно-розыскной деятельности по мотивам личной заинтересованности как частного лица, попавшего в сферу оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений.

Более того, в постановлении о прекращении уголовного преследования (или об отказе в возбуждении уголовного дела) в отношении адвоката в связи с тем, что он активно способствовал раскрытию и (или) пресечению преступления (примечание к ст. 291¹ УК РФ), будет установлено, что адвокат все же имел преступный умысел, получая денежные средства в качестве взятки, а следовательно, допустил действия, направленные на подрыв доверия к нему и к адвокатуре¹⁶. В связи с этим, как отмечает Н. Гаспарян, «отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в отношении адвоката на основании примечания к ст. 291¹ УК РФ автоматически не означает отсутствия в его действиях состава дисциплинарного проступка и не исключает применения мер дисциплинарной ответственности»¹⁷.

В связи с этим, полагаем, что вопрос о лишении такого адвоката профессионального статуса будет решаться органами адвокатского самоуправления с учетом обстоятельств конкретного дела, но, весьма вероятно, не в его пользу.

Пятая ситуация. Адвокат или его близкие родственники стали объектом преступного посягательства, пресечь которое возможно посредством проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Как видно из приведенного выше разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, участие адвоката в оперативно-розыскной деятельности в такой ситуации допускается как с юридической, так и с этической точки зрения.

Примечательно, что авторы рекомендаций адвокатам в случае задействования их в оперативно-розыскной деятельности разделили возможные варианты развития событий на два вида: «если в отношении адвоката либо членов его семьи готовится преступное посягательство и сохраняется угроза их жизни, здоровью и имуществу, адвокат вправе принять участие в ОРМ» (п. 2.1 Рекомендаций); «если в отношении адвоката либо членов его семьи уже совершено преступление и возникает необходимость в его раскрытии и изобличении виновных, адвокат вправе принять участие в любых видах ОРМ» (п. 2.2 Рекомендаций). При этом, по их мнению, «адвокат не обязан согласовывать свое решение с адвокатской палатой, поскольку адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства, и он вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (п. 2.3 Рекомендаций).

Принимая во внимание последний тезис, трудно объяснить предлагаемое авторами деление юридических ситуаций в зависимости от стадии совершения преступления. Мы полагаем, что и в том, и в другом случае адвокат может принять участие в том виде оперативно-розыскного мероприятия, которое определит должностное лицо оперативного подразделения исходя из конкретной оперативно-тактической обстановки. Основным критерием выбора вида, формы и тактики проводимых оперативно-розыскных мероприятий будет являться наиболее эффективная защита жизни, здоровья и имущества граждан, безусловно, наряду с соблюдением требований законодательных и ведомственных нормативных актов, а также получением согласия самого адвоката.

Тем более трудно согласиться с п. 1.6 Рекомендаций, в котором авторы утверждают, что «предложения адвокату принять участие в проведении ОРМ в ситуациях, не урегулированных либо недостаточно урегулированных действующими нормами, следует расценивать как сложную этическую ситуацию, требующую обращения в Совет региональной адвокатской палаты за разъяснением». Уверены, что такое обращение объективно повлечет разглашение планируемых негласных оперативно-розыскных мероприятий, дальнейшее проведение которых утратит всякий

¹⁵ Разъяснение Комиссии по этике и стандартам по вопросам применения п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 1. 2016.

¹⁶ Пункт 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

¹⁷ Такая правовая позиция, на взгляд автора, должна быть реализована в дополнительном разъяснении Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ. Таким образом, сообщество выскажет свое негативное отношение к случаям участия адвокатов в оперативно-розыскных мероприятиях, защитит себя от наметившейся токсичной тенденции и, наконец, проведет демаркационную линию между возможным и недопустимым поведением. (Гаспарян Н. Об участии адвоката в ОРМ. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ob-uchastii-advokata-v-orm-21-09-2018> (дата обращения: 21.04.2020)).

смысл и позволит лицам, причастным к противоправной деятельности, уклониться от привлечения к ответственности. В связи с этим полагаем, что адвокат достаточно компетентен самостоятельно определить правомерность и этичность своего поведения в той или иной правовой ситуации, связанной с принятием решения об участии в оперативно-розыскной деятельности.

В заключение подчеркнем, что адвокат является самостоятельным и защищенным субъектом правоотношений, активно участвующим в конфликтных процессах, возникающих между государством и гражда-

нином, отстаивая права и свободы последнего. Данное обстоятельство объективно предопределяет дистанцирование адвоката от органов государственной власти. Однако в отдельных случаях адвокат вынужден взаимодействовать с теми или иными государственными органами, реализация полномочий которых позволит защитить законные интересы доверителя. Именно поэтому при соблюдении определенных условий участие адвоката в негласных оперативно-розыскных мероприятиях не противоречит действующему законодательству и согласуется с нормами корпоративной этики адвокатского сообщества.

Список литературы

1. Мельниченко Р. Г. Спор о понятии «негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» // Адвокат. 2013. № 7.
2. Суд разрешил адвокатам стучать? // Волгоградский адвокат. 2013. № 1(86).